

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Упор в понимании особенностей метафизического и диалектического подходов сделан на фундаментальный труд философа Николая Мефодьевича Чуринова «Совершенство и свобода» [Чуринов, 2003], а также на статьи по метаметодологии, помещенные в журнале «Теория и история» [Журнал «Теория и история», под ред. Н.М. Чуринова, 2002-2005гг.]

Родовые черты метафизики и диалектики описаны в названных источниках так, как это представлено в табл. 1.

Таблица 1

Положения метаметодологий

Представления:	Положения метаметодологий	
	Метафизика	Диалектика
Постоянство мира	Порядок природы стабилен и устойчив, и человеческий разум проникает в него при помощи столь же устойчивых и универсальных категорий мышления	Все в мире подвержено изменению и развитию
Способности материи к самоорганизации и движению	Материя инертна	Материя активна, ей присущи источники самодвижения

*©Г.И. Золотухина, 2006.

Отношения в паре «человек-природа»	Человек — это контрагент природы, призванный контролировать и подчинять ее	Человек — это имманентная часть природы
Мера единообразия представлений о мире	Плюралистичны	Единообразны и основаны на системности и противоречивости
Особенности научной детерминации	Научное объяснение есть прежде всего объяснение свойств целого из свойств его частей (приоритет отдается элементам, автономии, объектам в свободном состоянии)	Возможны иные типы объяснения, помимо редукции целого к его частям, так как качества и значения частей в целом зависят от системы связей, в которых они находятся
Соотнесенность репрезентаций и образов	Разум предписывает природе свои законы и связи и потому все наши знания, теории, идеальные конструкты — суть наши репрезентации, не имеющие ничего общего с самим этим миром	Исходя из принципа всеобщей связи вещей, явлений и процессов утверждается, что, будучи отражением определенных (общих, необходимых) сторон и связей внешнего мира, наши идеальные конструкты в своем изменении и развитии в процессе мышления подчиняются законам, которые являются отражением законов объективной действительности

Сформулируем основные положения нашей гипотезы.

1. Объекты изучения в экономике отличаются мерой присущей им объективной диалектичности. Если обсуждается мейнстрим, то речь идет о хозяйствующих субъектах. Если в простоте полагать, что ее — диалектичность — можно измерять только силой внутренних связей элементов субъектов экономики, то речь пойдет о целостности последних: она различна и простирается от монолитности, основанной на слиянности элементов, до почти отсутствующих связей между последними в экономических системах типа конгломератов.

2. Если диалектичность измерять связями вообще, то придется учесть еще и внешние связи хозяйствующих субъектов. Как известно, здесь имеются достаточно широкие комбинаторные возможности: во-первых, можно изучать не просто экономические, а социально-экономические системы практически рядоположенно; во-вторых, можно считать, что хозяйствующие субъекты вправлены в неэкономические системы более высокого порядка. Для примера, В.С. Соловьев считал, что экономика вправлена в нравственную систему общества и т.д. [Соловьев, 1995].

3. Трудно усмотреть закономерности изменения уровня диалектичности. Казалось, что по мере роста величины объекта в цепочке фирма — отрасль — национальная экономика — мировое хозяйство целостность как измеритель диалектичности падает, хозяйство при следовании по цепочке атомизируется. Но закономерность уменьшения не выдерживается, и находящиеся в ее начале фирмы уже могут быть в достаточной степени атомизированными. По мнению профессора Л.И. Петражицкого [Петражицкий, 1993]; «крупные ОАО — сообщества разрозненных рантье».

4. Понимание диалектичности изучаемого в экономике — сложности, связей, противоречивости и т.д. — всегда опережает движение в области методологий, все-таки объект сложнее «ящика инструментов». В этих условиях приходится прибегать к редуцированию. Иногда для поддержания принципа свободы, прокламируемого рыночной экономикой, мы упрощаем объект, сводя все к экономизму в апологетических целях, отмечая нормативные экономические теории, содержащие, в частности, требование усиления нравственной направленности экономических построений. Это соотнобразуется с высказанным Джоан Роббинс взглядом на то, что экономика отчасти научна, отчасти апологетична [цитируется по: Блауг, 2004].

5. Но положение не так безнадежно, как кажется на первый взгляд, так как движение мысли в экономике все-таки направлено, правда, как тенденция, к увеличению диалектизации и объекта, и методологий. Некоторые пути названы в пункте 2. Кроме того, важно подчеркнуть, что логика современного развития национальных экономик императивно требует усиления связи экономики и культуры, в первую очередь в аксиологической части последней [Золотухина, 2005]. Можно воспользоваться предложениями по гармонизации общественных отношений, содержащимися в книге философа Н.М. Чуринова «Совершенство и свобода», основанными на принципах диалектизации и объекта изучения и соответствующей методологии. Книга помимо прочего интересна актуализа-

цией опыта теоретизирования старых православных философов.

6. В этих условиях мы должны спросить себя о том, должны ли соответствовать друг другу меры диалектизации изучаемого объекта и методологии изучения. Накладывает ли изучаемое императивные требования на методологию? По стандарту очевидности вроде бы должно, а де-факто преобладает ситуация, когда наличная диалектизация объекта путем абстрагирования снижается, подгоняется под возможности «ящика инструментов» и к его изучению применяется метафизика, которая возобладала.

Окончательных доказательств тому нет, но хрестоматия примеров внушительна. В частности, пример из области постижения феномена глобализма. «В социальных науках, по словам Яна Непервина, существует столько концепций глобализации, сколько дисциплин. Все эти подходы и темы представляются вместе с тем вполне релевантными, если мы рассматриваем глобализацию как многомерный процесс, который, как все значительные социальные процессы, осуществляются во множестве сфер существования одновременно. Глобализация может быть понята как бесконечный синтез нескольких дисциплинарных подходов» [Кармадонов, 2003].

7. Все происходящее на уровне метаметодологий похоже на эклектику, когда в одной и той же научно-исследовательской программе присутствуют элементы и метафизики, и диалектики. Эклектика в экономике — это не хорошо или плохо, а это «по одежке протянутые ножки». Положение усугубляется еще и тем, что демаркационная линия между диалектикой и метафизикой становится все расплывчатее. Методологии не существуют в чистом виде, в частности, со второй половины XX-го века метафизика признает и общую связь явлений, и развитие, правда, в своей трактовке [Дёмина, 2003]. Я хочу задать вопрос философам: насколько целостное представление можно получить о создании, функционировании и развитии хозяйствующих субъектов, используя одну из познавательных метаматриц? И почему обязательно нужно присоединять элементы другой? Похоже, что эклектика свойственна всем уровням теоретизирования.

8. И в будущем нас, по-видимому, ждет преобладание метафизики. И одно из доказательств этого — метафизичность методологий, применяемых в современных экономических научно-исследовательских программах. Но экономическая постметафизика будет отличаться от ее модели, предначертанной Ю. Хабермасом. В частности, им ожидается абсолютизация теории, освобождение ее от связи с частными науками в форме «катарсического уничтожения всех следов ее земного происхождения» [Цитируется по: Дёмина, 2003]. В экономике это вряд ли возможно вследствие иерархии теоретизирования и собственной экономической онтологии в ней. Все зависит от фронта исследований, может преобладать движение мысли в общеполитических построениях, а может соответственно, в экономике. Опыт развития системной парадигмы в XX-ом веке убедил нас в том, что возможны оба названных пути. Как известно, сначала шло развитие общей идеологии, а затем развитие ушло в отрасли.

9. Я считаю, что в экономических исследованиях всё большее значение приобретает логическая операция синтеза методологий. Но это предмет отдельного разговора.

Рассмотрим, насколько соответствует нашей гипотезе теоретизирование в области частной экономической теории стратегического менеджмента.

Воспользуемся обзором развития теории стратегического менеджмента, опираясь на исключительно содержательную, а вдобавок имеющую блистательную литературную форму книгу Генри Минцберга, Брюса Альстрэнда и Джозефа Лэмпела «Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсии по дебрям стратегического менеджмента» [Минцберг, 1996]. В части написания прекрасных по форме текстов управленцы обошли экономистов. И упоминавшаяся книга написана в научно-публицистической традиции, сложившейся в области управления экономикой. Достаточно в этой связи привести два примера. Первый касается переключки авторов, начавшей дискуссию по проблемам управления экономикой в начале семидесятых годов прошлого столетия. Статья, инициировавшая дискуссию, называлась «В джунглях науки об управлении». На метафорический вызов был получен достойный ответ: если это джунгли, то в них бродят семь крупных слонов, по числу имеющихся в наличии значимых теорий. И второй пример — знаменитый бестселлер того же времени «В поисках эффективного управления» [Питерс, 1986].

В аннотации к «Школам стратегий» сказано, что в этой увлекательной книге авторы представляют всестороннее исследование основных положений, сильных и слабых сторон, вклада в теорию и практику управления каждой из школ стратегий — дизайна, планирования, позиционирования, предпринимательства, познания, обучения, власти, культуры, внешней среды и конфигурации, а в завершение объединяют их [Минцберг, 1996]. Авторы конструируют реестр оснований классификации школ стратегий.

Приступая к обсуждению особенностей теоретизирования в области стратегического управления, обозначим задачи:

- обсудить особенности терминов;
- оценить направление движения фронта исследований;
- представить себе меру завершённости теории;
- поразмышлять над её сложностью;
- представить её место в дихотомии метаметодологий: метафизика-диалектика;
- составить представление о дальнейшем развитии теории стратегического управления.

Рассмотрим особенности термина «стратегия» применительно к коммерческим организациям. Он полисемичен и должен быть определен: перспектива, план, позиция, принцип, приём — объединить в одно. Это соответствует положению в экономической науке, где основные термины полисемичны, например, для термина «организация» предлагается сопоставление одновременно с десятью определениями.

Состояние дел в области стратегического менеджмента оценивается авторами так: до настоящего момента школы развивались автономно, этап, как сказал бы Ю.Хабермас «грамматических форм и понятийного уровня повествования» закончился, начались обобщения имеющегося материала [высказывание Хабермаса цитируется по Дёминой]

Школы возникали параллельно-последовательно, компенсируя недостаточность, незавершённость предыдущих. Они пользуются достижениями друг друга. Например, идеи возникшей первой школы дизайнера о том, что необходимо исследовать внутреннюю и внешнюю среды, т.е., соответственно, силы и слабости, «отличительные компетенции фирмы», с одной стороны, угрозы и возможности, которые даёт внешняя среда, — с другой, в настоящее время применяются всеми школами.

На наш взгляд, зафиксирована разногласица, не переросшая в полифонию, исследования велись автономно в рамках каждой из десяти школ. На один и тот же процесс представители разных школ смотрят по-разному. «Таким образом, каждая из наших десяти школ сугубо индивидуально рассматривает один и тот же процесс. Надеемся, что все вместе они смогут помочь руководителям прозреть его насквозь» [Минцберг, 1996].

Очевидно, что движение фронта исследований шло по преимуществу от частного к общему, возрастало число учитываемых связей и оно — движение — еще не завершилось созданием общей теории формирования и внедрения стратегий.

Несколько слов о сложности теории стратегического управления. В статье «Магическая семерка плюс-минус два: о некоторых ограничениях нашей способности обрабатывать информацию» психолог Джорж Миллер задается вопросом о том, почему нам так нравится группировать вещи по семь: семь чудес света, семь смертных грехов, семь дней недели [цитируется по Минцберг, 1996]. По мнению психолога, в этом отражается структура нашего познания: семь-то количество «порций» информации, которые человек без труда удерживает в краткосрочной, «оперативной» памяти.

Авторы «Школы стратегий» попытались упорядочить имеющиеся представления об особенностях отдельных школ стратегий, создав некое информационное поле для определения разновидности школы, применимой в условиях конкретной ситуации формирования стратегии фирмы.

Пришлось назвать по семнадцать одинаковых характеристик каждой школы, следовательно, окончательно информационная матрица имеет размерность 10 школ * 17 характеристик. Попытки автора этих строк применить к матрице способы укрупнения дидактических единиц, приведенные в [Золотухина, 2005], не увенчались успехом вследствие разнородности информации, плохо поддающейся группировке.

Авторы понимают ту безбрежность сложности, в которой пребывают: «Формирование стратегии — это и оценочный дизайн, и интуитивное предвидение, и обучение, и трансформация, и постоянство, оно может включать и индивидуальное познание, и социальное взаимодействие, сотрудничество и конфликт, и оно должно содержать предварительный анализ, и последующее программирование, и промежуточные переговоры. И все эти аспекты являются реакциями на то, что мы называем требованиями внешней среды. Просто попробуйте не учесть одно из них и посмотрите, что получится» [Минцберг, 1996].

Итак, изучаемая область сложна сама по себе, и во многом это определяется сложностью предвидения как такового. «Описание перспективы никогда не дается легко. Формирование стратегии — это сложная сфера. А десять — слишком большое число для человеческого сознания, привыкшего к семерке плюс-минус два. Таков процесс» [Минцберг, 1996].

Итак, наш вердикт о мере соответствия нашей гипотезы и особенностей теоретизирования в обла-

сти стратегического менеджмента. Это чистейшей воды метафизика со своим родовым признаком — плюрализмом: как уже отмечалось, подходов к формированию стратегии десять в соответствии с наличием «школ». Сложность превышает возможности человека в деле обработки информации.

Разные школы имеют дело с разными объектами. Им доступны разные наборы: одна из школ предлагает учитывать и связи экономики с нравственностью, что придает ее подходу большую целостность и системность. И этапы формирования стратегий можно учитывать с разной степенью подробности; можно сосредоточиться только на этапе их сознания, а можно воедино рассматривать это с этапом внедрения.

Противоречивость формируемых стратегий и собственно процесса формирования учитывается отчасти. Еще не сконструирована до конца информационная база, чтобы сказать, имеется ли общий плацдарм, ядро, субстанция в формировании.

Поведение стратега (индивида или группы лиц, формирующих стратегию) в деле создания методики получения стратегии фирмы в конкретных условиях заключается в отборе и последующем агрегировании элементов методик, предлагаемых школами стратегий [Минцберг, 1996].

Обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, это очень похоже на алгоритм получения нового знания в постметафизике Ю.Хабермаса: «Единство разума только в многообразии его голо-сов, которые образуют процедурную возможность взаимного понимания» [цитируется по: Демина, 1996]. Во-вторых, сказанное о процессе создания методики — ориентир для обучения управленцев операции агрегирования знаний.

Что же будет дальше в нашем футурологическом предчувствии? Тотальная диалектизация и представлений об объекте, и методологий исследования.

Часть противоречий уже выявлена и учтена в процессах формирования стратегий разными школами. Авторами цитируемой книги предлагается продолжить поиск противоречий.

Вот какой пассаж завершает книгу: «Что делать дальше? Необходимо задать главные вопросы и предложить больше гипотез, чтобы идти вперед, а не замыкаться на пройденном. И всегда помнить о многоаспектности — изучать процесс и содержание, статику и динамику, давление и влияние, когнитивное и коллективное, предначертанное и изучаемое [Минцберг, 1996]. До конца изучить процессы формирования стратегий авторы не надеются, но получше разглядеть тшчатся. Обещано увеличение целостности. Другими словами помимо исследования частей следует обратить больше внимания на формирование стратегии как целостности (Минцберг, 1996).

Попытаемся точнее назвать положение стратегического менеджмента в контексте метаметодологии. Это пока еще метафизика: и подходов многовато, и постижение истины идет от частей к целому, и т.д. Но ростки диалектизации налицо: постепенно растет количество принятых к рассмотрению связей и видов противоречий, и фрагментарность поднадоела, и вожделенна общность и целостность.

Внешний движитель: необходимость во все большей гармонизации общественных отношений [Чуринов, 2003] и введении в хозяйственный оборот отношений культуры, в первую очередь нравственного толка. Будут и препятствия: например, прокламируемая рынком безграничность свободы.

По самооценке, предлагаемый текст может претендовать не более чем на введение, но и не менее. Обозначив дальнейшие направления, мы невольно обнажаем его — текста — недостатки.

Желательно сподобиться и исследовать всю иерархию экономического теоретизирования. А уровней больше чем два, исследованных в нашем тексте: гносеологические метаматрицы; общие теории познания, формирующие каждого из метаматриц, в частности, это позитивизм, герменевтика, феноменология, прагматизм (Пискорская, 2004), а также номинализм и реализм (Чуриков, 2003), вкупе формирующие метафизику; частные экономические теории. По меньшей мере, этих уровней три.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе.— М.: Дело, 1994.-С.688.
2. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют.— М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.— С. 416.
3. Демина Н.А. Метафизика и постметафизика //Теория и история — Красноярск, 2003. — №2.
4. Золотухина ГИ. Укрупнение дидактических единиц в экономическом образовании //Профессиональное образование в Сибири. Приложение к журналу «Образование в Сибири, 2000.
5. Золотухина Г.И. Тенденции к слиянию экономики и культуры в нововременье //Сборник трудов Красноярского аграрного университета по итогам 4-й Всероссийской конференции «Культура и

образование». — Красноярск, 2005.

6. Кардамонов ОА Глобализация и символическая власть// Вопросы философии. — 2003. — №6.

7. Минцберг Г., Альстренд Б., Лемпел Д. Школы стратегий. Стратегическое сафари: Экскурсии по дебрям стратегического менеджмента. — М.: Дело, 1998. — С. 290.

8. Петражицкий Л.И. Акции и биржевая игра. — Новосибирск: Гермес, 1993.— С. 304.

9. Пискорская С.Ю. Теория познания: метафизика и диалектика./ Теория и история. — Красноярск, 2004. — №1.

10. Соловьёв В.С. Оправдание добра// Собр. соч. Т. 1— М.: Наука, 1995.

11. Питерс Т., Уотерман Р. В поисках эффективного управления.— М.: Наука, 1986.

12. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. — Красноярск, 2003. — С. 516.

13. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. — М.: Весь мир, 2002.